

А. М. ЭТКИНД

**Хлыст
(Секты, литература и революция) ¹**

<Фрагменты>

После десятков томов, которые были написаны о Распутине с очевидно корыстными целями, узнать «правду» о нем кажется вовсе невозможным. Критика источников в этой области ведет к пустоте. Слишком многое, что говорилось и писалось о Распутине, было выдумано. Ситуация предназначена для иного способа анализа. Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важнее проследить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям они вели. В мире Распутина история дискурса открывает более глубокую «правду», чем история фактов. Это понимали уже при жизни героя:

Странник <...> утонул в море анекдотов о нем, которых чем более — тем гуще они заволакивают от нас существо дела. <...> В этом-то и заключается главное, — и чем выше гора анекдотов, тем все они становятся необъяснимее, и тем это главное вырастает в силу и значительности <...> Перед глазами России происходит не «анекдот», а *история* страшной серьезности*.

Взятое курсивом слово *история* показывает, что хочет и чего не может написать Василий Розанов. В самом деле, историю Распутина написать почти так же трудно, как написать историю царя Энея или историю Иванушки-дурачка. Можно написать историю вымысла, и невозможно написать историю фактов, которых почти нет; но этот «анекдот», взятый

¹ Печатаются фрагменты по: *Эткинд А. Хлыст. (Секты, литература и революция)*. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 585–586, 598–607.

* В. В. Розанов. *Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы)*. Петербург, 1914, 205.

в целом, и есть «история страшной серьезности». Другой пронизательный современник вспоминал так: «История с Распутиным была широко распространена. Я не люблю этой истории; в том, как рассказывалась она, было видно духовное гниение народа»*. В этих двух фразах дважды упоминается ключевое слово, и Виктор Шкловский играет с его омонимией: не история Распутина, а история с Распутиным. Не то, что и как было, а то, что и как рассказывалось; не события как история, а история как нарратив.

* * *

Смерть или уход?

В июне 1916 года Распутин уверял своих поклонниц, что ему положено пробыть в миру еще пять лет, а потом он скроется в глухом месте и «там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни»**. Иными словами, Распутин излагал программу одного из согласий бегунов, так называемых странников-христоролюбцев, которые живут в миру обыкновенной жизнью, а перед смертью обязаны для своего спасения уйти в бега.

Факт его смерти вызвал недоверие и у его поклонниц, и у царской семьи. Белецкий вспоминал: «Я видел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения»; вообще среди почитательниц Распутина после смерти его «почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную особливость»***. Вполне вероятным кажется, что чувства «распутинок» были вызваны их верой в бессмертие старца. Окружение царской семьи имело немалый опыт общения с мертвыми; Протопопов, например, слыл специалистом в некромантии. Впрочем, и народ верил, что антихриста просто так застрелить и утопить нельзя. «Об убийстве Распутина продолжают циркулировать самые противоречивые, самые фантастические версии», — записывал французский посол****. «Теперь ждем чудес на могиле <...> Охота было этой мрази венец создавать», — иронизировала Гиппиус*****. Этой оккультной атмосферой объясняется и необычный ритуал погребения. В крышке металличе-

* В. Шкловский. *Сентиментальное путешествие*. Москва: Новости, 1990, 26.

** Юсупов. Коней Распутина (воспоминания), 414.

*** Белецкий. Воспоминания, 18.

**** Палеолог. *Распутин*, 109.

***** Гиппиус. *Синяя книга. Петербургский дневник*. Белград, 1929, 66.

ского гроба, напротив головы, было оставлено отверстие в пол-аршина диаметром. Около ста лет назад в склепе известного скопца Шилова под Петербургом была оставлена точно такая же дырка; в могилу опускали сухарики, которые потом почитались как святыня. После Февральской революции труп Распутина продолжал беспокоить власти; на всякий случай его эксгумировали и сожгли, что вызвало еще одну волну домысла.

Итак, перед самой своей гибелью Распутин собирался уйти, вновь стать святым странником. В русской традиции хорошо известна такая история; ее рассказывали об Александре I, который не умер, а стал сибирским странником Федором Кузьмичом. Миф этот, в Серебряном веке ставший чрезвычайно популярным, дал начало множеству текстов. Сам Лев Толстой думал и писал об уходе Александра незадолго до собственного ухода*. Бердяев считал эту легенду «очень русской и очень правдоподобной»**. Среди тех, кто верил в перевоплощение Александра и просчитывал политическое значение такого факта, буде он официально признан, — официальный биограф Императора Николай Шильдер.

Установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы <...> В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр <...> представился бы самым трагическим лицом русской истории***.

В этом финальном аккорде 4-томного труда слышна воистину необычная нота. Автор знает, как создать такую действительность, которая превзойдет самые смелые вымыслы. Сын военного инженера, любимца Николая I, Шильдер нашел свой способ служения Отечеству: переизобретение его истории. Жизнь его ампиричного героя, уверен Шильдер, «могла бы послужить основой для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом». История пишется в сослагательном наклонении и открыто, без колебаний подчиняется законам поэтики****.

* Л. Толстой. *Посмертные записки старца Федора Кузьмича* (с послесловием Вл. Короленко к примечанием В. Черткова) — *Русское богатство*, 1912, I, 9–36, очередную попытку воскресить эту историю см. в вымышленных мемуарах Федора Кузьмича: Michael Klimenko. *Notes of Alexander I, Emperor of Russia*. New York: Peter Lang, 1988.

** Н. Бердяев. *Русская идея* — в кн.: *Русская идея*. Москва: Искусство, 1994, 2, 221.

*** Н. К. Шильдер. *Император Александр Первый. Жизнь и царствование*. Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина, 1905, 4. 448.

**** Что, впрочем, не такая редкость, как кажется, см.: Hayden White. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973.

Автор не утверждает «правду» своей идеи, но уверен в ее пользе для нового единства между царем и народом. С тактом, соответствующим серьезности темы, Шильдер берет на себя лишь скромную роль изобретателя, предлагающего глобальный проект, но оставляющего последнее слово за верховной властью. Николаю II решать, увенчается ли путь Александра I «небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости»*. Возможно, программа-максимум состояла в канонизации Императора; военных побед для этого мало, надо было прибавить мистическое опрощение. Историк был не одинок в этом желании. «Для меня нет никакого сомнения, что старец Федор Кузьмич был, действительно, император Александр I. И мне жаль, что это не объявлено, ибо для народа он, несомненно, был бы святой; и это намного подняло бы престиж царской власти»**, — писал князь Дмитрий Хилков, вернувшийся в православие сектант и социалист-революционер.

Дискурсивное значение легенды о Федоре Кузьмиче в эпоху, создавшую Распутина, очевидно. Культурно-политическая ситуация требовала исторического оправдания и канонического прецедента. Столетней давности перевоплощение царя в старца дало бы обоснование новому союзу царя и старца. Прецедент Федора Кузьмича доказывал бы не только близость, но и обратимость царя и пророка; не только их совместимость друг с другом, но и возможность переходов между этими состояниями. Опрокинутый в прошлое, сюжет естественно принимал фольклорный характер. Но в культуре модерна фольклора уже не хватало; требовались исторические доказательства или видимость таковых. Как обычно, история оказывалась средоточием борьбы между дискурсами, претендующими на власть. Политика Распутина, несомненно, распространялась на эту область. Около 1915 года архимандрит Алексей (Кузнецов) составил книгу «Юродивые святые Русской церкви», в которой утверждал, что у некоторых святых «юродство проявлялось в форме половой распущенности». Автор пытался защитить свою книгу в качестве диссертации в Петербургской духовной академии, но потерпел неудачу. Зато в высшем свете показывали экземпляр, в котором рукою Императрицы были подчеркнуты места о распущенности святых старцев; вся книга написана «в оправдание Распутина» и послужила своей цели, — пролистав книгу, понял главный священник русской

* Шильдер. *Император Александр Первый. Жизнь и царствование*, 4, 448.

** *Письма князя Д. А. Хилкова*. Сергиев Посад. Религиозно-философская библиотека, 1916 2, 42.

армии*. Авторитет профессиональной истории был нужен тем, кто вновь пытался сочетать царскую и пророческую роли.

Но Николай II не воспользовался той возможностью легитимации Распутина, которую предоставляла история Федора Кузьмича. Интересно разобраться, что или кто ему помешал; во всяком случае, не уважение к исторической правде. К столетию начала Отечественной войны официальную версию жизни Александра I писал Николай Михайлович Романов, президент Исторического общества**. Слывший другом Льва Толстого и сторонником конституции***, дядя царя годами выступал против Распутина; его даже называли главой династического заговора, направленного на изоляцию Распутина и Александры Федоровны. Действительно, великий князь был первым, к кому пришел искать защиты убийца Распутина. После революции Николай Михайлович был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

Высокопоставленный историк был, по его собственным словам, «почитателем и приятелем» Шильдера. «Сознаюсь откровенно, что и пишущий эти строки много лет увлекался той же легендой», — признавался Николай Михайлович по поводу Федора Кузьмича. Но, продолжал историк, результаты изысканий оказались «обратны тому, на что мы возлагали надежды»****. Эта динамика имеет первостепенную важность; на нее повлияли и знакомство с историческими документами, и изменение политической ситуации. К 1912 г. Николай Михайлович предпочитал уже забыть свои прежние увлечения: «Мы недоумеваем, зачем понадобилось почтенному и симпатичному Николаю Карловичу (Шильдеру) <...> подводить все обстоятельства <...> под известную специальную призму» (там же).

По-видимому, отказ придать официальный статус легенде о Федоре Кузьмиче был личным решением Николая Михайловича, не желав-

* Шавельский. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*. I, 67.

** Вел. кн. Николай Михайлович. *Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича*. Санкт-Петербург, 1907; Он же. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*. Санкт-Петербург, 1912.

*** И даже более того: по словам его младшего брата, Николай Михайлович был убежденным сторонником парламентской системы французского образца и в 1910-х годах считал ее пригодной для России: Grand Duke Alexander of Russia. *Once a Grand Duke*. London: Cassel, 1932, 168.

**** Николай Михайлович. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*, 348, 327.

шего таким способом участвовать в стабилизации положения Распутина. Та столетней давности история, которую изучал великий князь, не подтвердила романтически привлекательного мифа; а та история, в которой жил и, кажется, неплохо разбирался сам историк, доказывала ему опасность легитимации престола подобными средствами. Теряя присущую ему солидную сдержанность, Николай Михайлович восклицал о версии превращения Александра I в сибирского старца: «Даже зарвавшаяся фантазия должна иметь пределы!»* (любопытно, как близки его чувства предсмертному крику пушкинского царя Дадона, обращенному к его советнику-скопцу: «Но всему же есть граница!»). Благодаря Николаю Михайловичу, в тот раз история как нарратив о прошлом оказала реальное влияние на историю как течение настоящего.

Хлыст или православный?

В 1912 году, после своей ссоры с Распутиным и последовавшей опалы, епископ Гермоген давал такие интервью газетам:

Я считаю главнейшими виновниками В. К. Саблера и известнейшего хлыста Григория Распутина, вреднейшего религиозного веросовратителя и насадителя в России новой хлыстовщины <...> Это опаснейший и, повторяю, яростный хлыст <...> Он свой разврат прикрывает кощунственно религиозностью**.

В другой раз Гермоген требовал отлучить от церкви Распутина, а вместе с ним больше ста русских писателей, которых он обвинял в «неохлыстовстве»***. Сам Распутин отвечал в таких выражениях: «Вот говорят, что я хлыст. Какой же я хлыст. Упаси, Господи. В церковь хожу, признаю все догматы, молюсь <...>. Какой же я хлыст. Клевещут, милый, на меня»****.

Проблема обличения хлыста была вполне не разрешима и могла поддерживаться только конспиративной культурой русского подпо-

* Николай Михайлович. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*, 148.

** Корректурa статьи для газеты «Свет», собственноручно выправленная епископом Гермогеном 13 июня 1912 — Гуверовский архив (Станфорд), фонд Николаевского, оп. 216, ед. хр. 6.

*** А. С. Пругавин. *Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине)*. Москва: Задруга. 1917, I, 9.

**** *Беседа с Т. Е. Распутиным* — Гуверовский архив фонд Николаевского, оп. 129, ед. хр. 2.

ля, религиозного и политического. Трудно представить себе обсуждение того, кем был, например, Руссо, католиком или протестантом. Миссионеры описывали хлыстов посещающими православную церковь и отправляющими свои ритуалы в глубокой тайне, что позволяло подозревать каждого и не давало возможности выявить никого. К тому же сектантами не рождаются, а становятся. Распутин мог быть в молодости хлыстом и обратиться в православие (что утверждал на основе довольно темных признаков Ключев*), или наоборот. Тем не менее правительство пыталось досконально разобраться в том, что начальник Департамента полиции называл «духовным мировоззрением» Распутина и даже «религиозной стороной его духовной структуры». Белецкий признавал, что «официально установить, на основании фактических и к тому же проверенных данных» принадлежность Распутина к хлыстам ему не удалось. Белецкий внедрил на сибирскую родину Распутина своего агента с заданием расследовать этот вопрос; из донесений «было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям»**. Доказательств по-прежнему не было. Впрочем, лично познакомившись с Распутиным, Белецкий «укрепился» в прежних выводах.

Предполагаемая принадлежность Распутина к секте хлыстов оказывалась важной темой идейной борьбы. Чем негативнее относились к Распутину, тем определеннее зачисляли его в хлысты. Убийца Распутина, далекий от церковных тонкостей, рассказывал: «Как ни скрывал он своей принадлежности к сектантству, люди <...> чувствовали, что в нем, помимо его собственной темной силы, живет и действует какая-то жуткая стихия, которая к нему влечет. Эта стихия была — хлыстовство, с его пьяно-чувственной мистикой»***. Архиепископ Антоний Волынский писал определенно: «Распутин — хлыст и участвует в радениях»****. Занимался Распутиным и известный миссионер В. М. Скворцов. После революции, будучи профессором богословия в Сараеве, Скворцов «убежденно и решительно» говорил приятелю-эмигранту: «Распутин был несомненным хлыстом,

* Н. Ключев. «Гагарья судьбина». Публикация К. Азадовского — *Новое литературное обозрение*, 1993, 5, 88–103.

** Белецкий. *Воспоминания*, 19.

*** Юсупов. *Конец Распутина (воспоминания)*.

**** В церковных кругах перед революцией (из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту киевскому Флавиану) — *Красный архив*. 1928, 6 (31), 212.

с молодых еще лет. И сектантские навыки сохранял до конца своей жизни»*. По его словам, он лично проводил секретное исследование в Тобольской губернии и выявил несколько хлыстовских пророков и еще богородицу, знавших Распутина с молодости и продолжавших поддерживать с ним связь**. Надо сказать, однако, что в качестве редактора газеты «Колокол» и журнала «Миссионерское обозрение» Скворцов практически удалил упоминания хлыстовства в годы, когда Распутин был в силе. К 1915 году относятся сведения о том, что «распутинцы» подкупали правую прессу с тем, чтобы она изменила направление на более либеральное. Близкого к Распутину банкира Дмитрия Рубинштейна обвиняли в том, что он скупал паи «Нового времени» и субсидировал *Колокол****.

В 1911 году Николай приказал разыскать старое дело Тобольской духовной консистории 1907 года, в котором содержалось следственное производство по обвинению Распутина в принадлежности к хлыстовской секте****. Новую подборку документов сформировал сторонник Распутина, обер-прокурор Синода В. К. Саблер. По-видимому, дело не содержало в себе достаточных оснований для суждения о хлыстовстве Распутина. Дальше Государь сделал необычный шаг, поручив представить по этому делу свое личное заключение председателю Государственной Думы. М. В. Родзянко привлек к работе над делом авторитетных членов Думы, А. И. Гучкова и Н. П. Шубинского. Николаю был представлен объемистый доклад, полный доказательств зловредной природы Распутина; вторично принять Родзянко для его обсуждения, как требовала процедура, Государь отказался. Дело чуть было не дошло до отставки председателя Думы и ее досрочного роспуска. Вопрос о религиозных взглядах Распутина имел стратегическое значение для всех участников игры.

«Распутин был обычным крестьянином среднего достатка, вряд ли отличавшимся от своих соседей по деревне. Доказано, что он с юности имел сильное пристрастие к сектантству», — писал в своих воспоминаниях председатель Государственной Думы*****. Уверенный в сектантстве Распутина и считая это исчерпывающим объяснением его особенностей, Родзянко десятки раз упоминает слово «хлыст» в своей книге.

* В. Н. Коковцов. *Из моего прошлого. Воспоминания*. 2, 41.

** Вл. Маевский. *На грани двух эпох (Трагедия императорской России)*. Мадрид, 1963, 49. 1.

*** Г. Аронсон. *Россия накануне революции*. Нью-Йорк, 1962, 88–93.

**** Это дело выборочно опубликовано в: Платонов. *Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине)*, 27–41, 84.

***** Rodzianko. *The Reign of Rasputin*, 5.

Высочайшая аудиенция по этому вопросу состоялась 26 февраля 1912 года. Распутин является хлыстом, сообщил Родзянко Государю; тот, естественно, попросил доказательств. «Полиция обнаружила, что он ходит в бани с женщинами. Это одна из особенностей их (хлыстов) религиозных обычаев», — объяснял Родзянко. Последнее вряд ли верно; но нас интересует, что отвечал Николай. «Ну и что? Разве это не принято среди простого народа?» — «Нет, Ваше Величество, нет такого обычая. Может быть, мужья и жены ходят вместе, но в данном случае мы имеем дело с явным развратом», — уверенно излагал Родзянко свое понимание русской этнографии*. Романов и Родзянко были согласны в том, что у простого народа — особые способы жизни, отличные от тех, какими живут царь и его чиновники. Как человек из народа, Распутин по одной этой причине имеет право на поступки, недопустимые для культурных людей. Дальше начинались различия. Для Николая Романова групповые походы Распутина в баню были доказательством его принадлежности к простому народу, а значит, и его возможности представлять при царе. Для Михаила Родзянко то же самое поведение было доказательством его принадлежности к особой религиозной группе; значит, по логике Родзянко, Распутин не мог представлять собою русский народ. Так групповые походы в баню получали драматически различные значения. Романов видел в этом одно из свидетельств легитимности Распутина как пророка и советника. Родзянко видел в этом, напротив, ее опровержение.

Владимир Бонч-Бруевич, близкий к Ленину большевик и ученый специалист по сектантству, опубликовал в радикально настроенном «Современнике» резкое письмо *Како веруюши?*** , в котором выражал уверенность в строгом православии Распутина. По мнению Бонч-Бруевича, «Распутин принадлежит к типу православного крестьянина глухой деревенской России и решительно не имеет ничего общего с сектантством»; тех же, кто придерживался иного мнения, Бонч-Бруевич обвинял в намеренном запутывании вопроса ради «своих определенных целей». В архиве содержится интересное свидетельство о мотивах его позиции. Это черновик письма Бонч-Бруевича от 1912 года***, в котором содержится просьба о содействии в публикации «моей экспертизы в вопросе сектантства Григория Ефимовича Распутина-Нового», поскольку ранее автору отказали в публикации этой статьи либеральные газеты обеих столиц. Бонч-Бруевич ссылается на «сущую

* Там же. 43.

** В. Д. Бонч-Бруевич. Како веруюши? — *Современник*, 1912, 3, 356–358.

*** ОР РГБ, ф. 369, к. 35. ед. хр. 22.

правду, которая ему хорошо известна о Распутине в области его религиозных верований». В своей экспертизе Бонч-Бруевич основывался на изучении «всех» печатных материалов, связанных с Распутиным, и на «семи обстоятельных беседах» с ним, но акцентировал политический аспект дела. По мнению автора, ранее Распутин сотрудничал с правыми, но теперь сменил линию; а правые круги, «видя, что Распутин ускользает, если не ускользнул уже совсем из сферы их тлетворного влияния <...>, быстро переменили фронт и стали валить его всеми силами»*. В этом Бонч-Бруевич был прав; через несколько лет Распутин был убит крайне правыми.

К другому выводу пришел этнограф Алексей Пругавин, для сбора сведений о Распутине подославший к нему красивую даму, Веру Жуковскую**. Социалист-революционер и один из крупнейших знатоков русского раскола, Пругавин вплоть до своей гибели в большевистской тюрьме верил в грядущий синтез сектантства и социализма. Распутин шокировал своими сексуальными нравами и компрометировал идею; Пругавин колебался, но все же должен был признать его принадлежность к сектам. В хлыстовстве Распутина был уверен и Михаил Новоселов, пытавшийся опубликовать на эту тему брошюру *Григорий Распутин и мистическое распутство* (она была конфискована в типографии в 1912***). Бывший толстовец-общинник (1888), потом правый издатель и профессор-филолог, в советское время Новоселов стал православным епископом Марком (1928), одним из лидеров подпольной церкви иосифлян, героически боровшейся против Советской власти. В политике идея принадлежности Распутина к хлыстам тоже чаще использовалась оппозицией справа, чем слева. Эту идеологическую конструкцию передает фраза, которую политики пересказывали друг другу, играя словом как писатели: «Мы желаем сильной власти — мы понимаем власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом»****.

* Ср. недавно опубликованное свидетельство о том, как А. И. Гучков специально искал встречи с Бонч-Бруевичем, чтобы выяснить эту проблему, и Бонч «уверенно» заявлял, что Распутин не сектант: А. Я. Аврех. *Царизм накануне свержения*. Москва: Наука, 1989, 68.

** А. Пругавин. *Леонтий Егорович и его поклонницы*. Москва, издание автора, 1916 <...>.

*** Рукопись оказалась у Бонч-Бруевича, была передана им Пругавину и хранится в его бумагах в Гуверовском архиве, фонд Николаевского, оп. 129, ед. хр. 1.

**** Эта фраза была сказана братом генерала Гурко на земском съезде в 1916; цит. по: С. П. Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире* (канун революции). Париж, 1957, 205; Мельгунов свидетельствовал о ее «большой популярности».

Нет оснований считать всех тех, кто был уверен в хлыстовстве Распутина, — епископов Гермогена, Антония, Марка, священников Георгия Шавельского и Сергея Булгакова — масонами и либералами, как это предлагает делать автор недавней книги о Распутине как народном праведнике*. Мы приходим к результату скорее обратного характера. Восприятие Распутина как сектанта действительно зависело от положения на политическом спектре; но не считали его хлыстом только самые радикалы, в этом узком вопросе неожиданно сомкнувшись с царем. Среди специалистов по сектам, правые, умеренные и даже левые от Скворцова и Новоселова до Пругавина зачисляли Распутина в хлысты; и только крайне левый Бонч-Бруевич да еще по-своему радикальный Розанов отрицали хлыстовство Распутина.

Каковы бы ни были религиозные взгляды Распутина, его профессией стала большая политика; именно в этом ключе надо оценивать его цели и вклад. Связи Распутина с левыми силами не привлекали к себе внимания историков, но кажутся любопытным феноменом. Распутин и Бонч-Бруевич оба воплощали в себе любимые идеи русского народничества и, каждый по-своему, являлись его законными наследниками. Более умеренные участники событий со страхом предполагали возможность их единения. Гиппиус в *Романе-Царевиче* изобразила, как историк вроде Бонч-Бруевича возбуждает крестьян на религиозную революцию, одновременно налаживая связи с пародийно изображенным Распутиным. Родзянко подозревал, что Распутин связан с международным масонством и что союз с Распутиным обсуждал некий «масонский конгресс в Брюсселе»**. Обвинение в масонстве было риторическим приемом, с помощью которого правые обвиняли левых в предательстве национальных интересов. В терминах своего времени, обвинение в связях Распутина с масонством было равнозначно подозрению его в симпатиях на левом фланге.

Мы знаем точно, что Распутина убили правые; и есть основания предполагать, что перед этим в поисках поддержки он общался с левыми. При всей обманчивости этих политических терминов, они различают важные реальности России 1910-х годов: отношение к русскому национализму и панславизму; отношение к еврейскому вопросу; отношение к войне. Народничество связано с национализмом многочисленными и меняющимися отношениями. Популизм распутинского типа был донационалистическим. Об этом говорят записки Распутина времен паломничества в Палестину, лишенные национализма. Об этом

* Платонов. *Жизнь за царя*.

** Rodzianko. *The Reign of Rasputin*, 45.

свидетельствует его ближайшее сотрудничество с евреями*; и этим же мотивировано его финальное столкновение с людьми типа Пуришкевича. Сектантские общины близко сосуществовали с другими верами, не считали грехом эмиграцию из России и были чужды самой идее национального государства. Конфессиональные различия были для них куда важнее национальных. Религиозная и национальная нетерпимость исходила сверху, от бюрократии и интеллигенции, от чиновников Победоносцева и читателей Достоевского. Еврейские банкиры финансировали Распутина с очевидной целью добиться отмены черты оседлости; возможно, они добились бы цели, если бы не война.

На фоне той некомпетентности, которая царила при дворе, здравый смысл Распутина мог играть позитивную роль. Царь игнорировал советы Распутина по продовольственному снабжению армии и столицы, неудачи которого во многом определили революцию. Вполне вероятно, что эти предложения были лучше, чем существовавшая практика. Многие наблюдатели сходились в том, что перед началом и во время войны Распутин содействовал тем, кто стремился к миру с Германией. Его противники при дворе, и потом при Временном правительстве, видели в этом признак государственной измены. Сегодня кажется очевидным скорее обратное. Если бы Романовы больше слушались Распутина и Россия вышла бы из войны, положение династии упрочилось бы**; и уж во всяком случае иными были бы перспективы демократии в России. Удивительно, что ни правительство Николая Романова, ни правительство Александра Керенского не захотели или не сумели вывести Россию из войны; сделало это только правительство Ленина — Троцкого, и благодаря этому сохранило власть. В Бресте большевики осуществили тот самый проект, в лоббировании которого

* Много раз перепечатанная (в немецком варианте при содействии нацистов) книжка Арона Симановича «Распутин и евреи» вряд ли является достоверной. Однако само существование этого человека в качестве личного секретаря Распутина не вызывает сомнений. Банкир Распутина Рубинштейн и консультант Распутина по политическим вопросам Манасевич-Мануйлов оба были евреями (последний крещеным). Интересен контакт Распутина с адвокатом Г. Б. Слиозбергом, который в надежде на политическое содействие Распутина знакомил его с крупными деятелями еврейского движения. Попытка Рубинштейна приобрести паи антисемитского *Нового времени* была одним из этапов этой кампании. См.: Г. Аронсон. Распутин и евреи — в его: *Россия накануне революции*, 5–88.

** См., в частности: А. Amalrik. *Raspoutine*. Paris: Seuil, 1982. Опровергая существование оформленных проектов сепаратного мира в правительственных кругах и не веря в обвинения Распутина в шпионаже, Мельгунов писал о «пацифистских наклонностях тобольского крестьянина» и приводил тому немало примеров: Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире*, 384 и далее.

Распутин обвинялся все годы войны; и они столкнулись с яростным сопротивлением более правых и более националистических сил, вплоть до мятежа эсеров — тем же сопротивлением, с которым до того приходилось иметь дело Распутину. С исторической точки зрения понятно то, что было дано увидеть мало кому из современников: предателями — родины ли, династии или здравого смысла — были все те, кто хотел победы, а получил революцию. Станным образом в признании этого большевики сходились с распутницами, но противостояли многим другим. Патриотизм военного времени, потом подкрепленный антибольшевизмом, поддерживал предрассудки даже самых трезвых наблюдателей. Мельгунов, участник русской революции, ее жертва и неутомимый ее историк, в 1957 заканчивал огромную книгу «Легенда о сепаратном мире» торжественной реабилитацией царской семьи:

Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды. Царю и Царице решительно чужды были колебания <...>. Никогда надежды их не обращались к внешнему врагу, а только от него — от немцев — *в теории* могло бы прийти им тогда спасение*.

Прошло сорок лет, но намерение избежать национальной катастрофы путем прагматического мира все еще признавалось морально недопустимым и исторически невероятным; и в заслугу лидерам ставилось то, что они пропустили единственный — в теории — шанс спасения себя и страны.

* Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире*, 495, курсив мой.